

В. Н. Адаев

**ГОРНЫЕ НЕНЦЫ ПОЛЯРНОГО УРАЛА: ОСОБЕННОСТИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛАНДШАФТНОГО ОСВОЕНИЯ**

УДК 39(470.5)

ББК 63.529(235.55)

В статье представлены особенности культуры приуральских горных ненцев, позволяющие, на взгляд автора, выделить их в качестве самостоятельной этнолокальной группы тундровых ненцев. Общность носит название *пэ тер* ('горный народ'). Она малоизвестна в научной литературе, поэтому результаты исследования представляют интерес как в теоретическом отношении (дифференциация этнолокальных групп), так и с точки зрения обобщения и систематизации имеющихся этнографических данных. Горные ненцы связаны исторической преемственностью с «каменной самоядью», известной, как минимум, со второй половины XV в. Объединяющей характеристикой для *пэ тер* является принадлежность к оленеводам, осуществляющим сезонный выпас своих стад в северной части Уральского хребта. Горные ненцы имеют собственный говор ненецкого языка, сложившийся фамилно-родовой состав, ряд отличительных особенностей природопользования, материальной культуры и религиозных традиций. Представители группы считают, что им присущи специфические черты характера и особый, интенсивный ритм жизни. Решающую роль в формировании комплекса культурных особенностей горных ненцев сыграла среда обитания. Итоги исследования во многом созвучны идеям географического детерминизма, так как они демонстрируют, что жесткие природно-климатические условия и ландшафт способны четко очерчивать рамки, в которых может существовать культура, и диктовать ей узкую специализацию. Урал явился для ненцев уникальным местом, где ими был накоплен успешный опыт освоения горного ландшафта.

Ключевые слова: *народы Севера, идентичность, субэтническая группа, оленеводство границы*

Ненцы — кочевой северный народ, насчитывающий, по данным переписи населения 2010 г., около 44,5 тыс. человек. По масштабам освоенной территории в один ряд с ненцами среди малочисленных народов Севера могут быть поставлены, пожалуй, лишь эвенки. Закономерным следствием значительной широты расселения этнического коллектива обычно является выделение в его составе региональных общностей со специфическими чертами культуры и языка. Общеизвестное разделение ненцев на этнографические группы лесных и тундровых — лишь наиболее очевидное следствие данного обстоятельства. Учитывая, что доля лесных ненцев составляет не более 5–7% от общей численности народа,

логично предположить наличие определенной регионально-культурной дробности и среди тундровых ненцев.

Действительно, этнографы иногда выделяют ряд территориальных подразделений тундровых ненцев: чаще всего это европейская и сибирская группы, нередко отдельно рассматриваются восточные ненцы и онеченные роды хантов Нижнего Приобья.¹ Тем не менее сообщество тундровых ненцев, по мнению многих специалистов, обладает значительным единообразием культуры и языка,² поэтому самостоятельных этнолокальных групп в их составе обычно не выделяют. Это не означает, что тундровые ненцы разных регионов лишены определенного своеобразия; напротив, некоторые различия в традициях, материальной культуре, языке присутствуют, и современные исследователи, сопоставляя сведения по ненцам разных территорий, нередко фокусируют

Адаев Владимир Николаевич — к.и.н., зав. сектором этнологии, Институт проблем освоения Севера СО РАН; н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Тюмень, г. Екатеринбург)
E-mail: whitebird4@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01882) «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А. В. Головинёв)

¹ См.: Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 6; Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. С. 74, 75 и др.

² См.: Прокофьева Е. Д. Ненцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 608, 609; Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966. С. 20.

на этом внимание. Однако глубоких различий между региональными группами, свидетельствующих о выраженной культурной специфике, как правило, не отмечается.

Более того, непосредственно в отношении группы ненцев, о которой пойдет речь в данной работе, известный этнограф Л. В. Хомич указала на отсутствие сведений о сколько-нибудь выраженных отличительных чертах их материальной культуры, связанной с оленеводческим комплексом.³ Тем не менее ненцы Полярного Урала, как будет показано ниже, обладают значительной культурной спецификой, в том числе в атрибутах оленеводческого хозяйства.

Остановимся на терминологии. В отечественной этнографии региональные этнические коллективы, наделенные выраженной культурной спецификой, обозначаются близкими терминами, такими как этнотерриториальная, этнодисперсная, этноареальная, этнолокальная группа. В данной работе будет использоваться последний вариант, под которым понимается гомогенный коллектив с высокой степенью самоидентификации, не распадающийся на более дробные сообщества.⁴ Важно отметить, что такому коллективу присущи, пусть и «в минимальном наборе», те же признаки этничности, которые характеризуют и этнос: это самосознание, самоназвание, представление о едином происхождении, общий язык, эндогамия, особенности культуры и быта и пр.⁵

Цель работы — представить особенности культуры приуральских горных ненцев, позволяющие выделить их в качестве самостоятельной этнолокальной группы. Эта общность малоизвестна в научной литературе, поэтому результаты исследования представляют интерес не только в теоретическом отношении (дифференциация этнолокальных групп), но и с точки зрения обобщения и систематизации имеющейся этнографической информации. Исследование проводилось на основе историко-сравнительного метода и системно-функционального подхода. Основным источником послужили полевые материалы, собранные в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в 2000, и 2016 гг., которые были дополнены опубликованными работами.

³ См.: Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 28.

⁴ См.: Логинов К. К. Русские Водлозерья как этнолокальная группа // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2007. Вып. 4. С. 257.

⁵ См. об этом подробнее: Бернштам Т. А. От редактора // Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 3.

Общая характеристика группы, этноним, язык

Речь идет о группе тундровых ненцев, чьи места сезонных кочевий включают нагорную часть Приуральского района ЯНАО и представители которой называют себя *нэ тер* ('горный народ'). Под этим же именем они известны среди своих ненецких соседей. В отношении горных ненцев их ямальские сородичи иногда употребляют шутовое прозвище *лыбник* ('тараторящий'). Оно обусловлено характерными особенностями местного говора — скорой и шумной речью. В ненецком языке прилагательное *лыбнана* имеет значения: 1) 'сильный', 'резкий' — о ветре; 2) в переносном смысле 'быстрый и громкий' — о разговоре.⁶ Интересно, что ямальские ненцы называют дующий со стороны Уральских гор юго-западный ветер по-ненецки 'ветром тараторящих', имея в виду своих горных соседей.

Различия в говорах ненцев Полярного Урала и полуострова Ямал фиксируются и лингвистами. Приуральский говор ненцев, проживающих от восточных склонов Уральских гор до полуострова Ямал, вместе с ямальским говором относятся к ближневосточной подгруппе тундрового ненецкого диалекта. Уральский хребет выступил в данном случае естественной границей между восточными и западными говорами тундровых ненцев. Из западной группы наиболее близким к восточной является большеземельский говор, на котором говорят ненцы, проживающие в восточной части Ненецкого АО от реки Печоры до реки Кары.⁷ Приведенные сведения отражают несколько важных моментов: 1) ареал распространения приуральского говора ограничен восточными склонами Урала; 2) наибольшее языковое родство связывает ненцев Полярного Урала с их ямальскими сородичами; 3) имеется языковая близость *нэ тер* с ненцами Большеземельской тундры.

Именно отличие говора, а также ряд особенностей природопользования и материальной культуры обычно приводятся представителями горных ненцев в качестве главных аргументов в пользу своей групповой специфики. Некоторые из горных ненцев, имеющие широкий опыт общения с ненцами других территорий, ощущают отличие своей общности особенно

⁶ Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. С. 162.

⁷ См.: Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка // Диалектологический словарь ненецкого языка / С. И. Буркова [и др.]. Екатеринбург, 2010. С. 182.

остро: «Есть лесные ненцы, есть тундровые ненцы, а есть горные ненцы. У нас здесь за счет возвышенностей большинство понятий отличаются».⁸ Очевидно, что отличительные черты, фиксируемые самими представителями группы, играют роль культурных границ для этнолокального коллектива.

Немаловажно и то, что территория обитания группы *нэ тер* не совпадает с Приуральским районом ЯНАО: она тяготеет к его северо-западной части, примыкающей к Полярному Уралу. Крайним рубежом своей территории в направлении полуострова Ямал горные ненцы называют окрестности поселка Яроно, в южном направлении — реку Сось. На востоке основной ареал включает в себя Байдарацкую и Щучьереженскую тундру (в недавнем прошлом значительная часть кочевников уходила зимой на правый берег Оби). Горный народ в определенном смысле противопоставляет себя низинному — *тасинянги*, т. е. ненцам, живущим в низовьях Оби и далее на восток. Наглядной иллюстрацией этого противопоставления является наличие на некоторых важных священных местах Полярного Урала двух жертвенников — отдельно для горных и для низинных ненцев.

Вероятно, на этом основании, а также по причине давних контактов с некоторыми соседями, современные горные ненцы иногда трактуют термин *нэ тер* шире, включая в него и большеземельских ненцев, кочующих от западных склонов Урала до Воркуты, и ныне исчезнувшую группу куноватских и ляпинских сородичей, обитавших южнее — в границах современных Шурышкарского района ЯНАО и Березовского района ХМАО. Иными словами, к *нэ тер* они относят всех ненцев, чьи кочевья приближены к Уральскому хребту. Такая трактовка не подтверждается более ранними источниками: в них горные, западные и куноватско-ляпинские ненцы предстают в составе разных территориальных общностей. Кроме того, для ненцев Большеземельской тундры существует отдельное наименование — *Нгарка яндер*, при этом говоры большеземельских и приуральских ненцев относятся к разным группам. Вопросы состава *нэ тер* и особенностей их групповой идентичности, безусловно, требуют дальнейших уточнений, но в данной работе мы сконцентрируем внимание только на горных ненцах Приуральского района.

Судя по имеющимся полевым материалам, в состав *нэ тер* входит довольно большое количество ненецких родов. Костяк группы составляют Валей, Вылка, Езынги, Лэхэ, Лаптандеры, Ледковы, Ного, Тайбери, Талеевы, Тысыя и Хэтэси. Подавляющее большинство указанных фамилий в прошлом принадлежало к большеземельским ненцам.⁹ Рассказывают и о двух ныне исчезнувших родах *нэ тер* — Валь и Ёл (напоминанием о них служат местные озеро и гора). Более поздними переселенцами в предгорья Полярного Урала, тоже вошедшими в состав *нэ тер*, являются роды Неркаги, Окотэтто, Пырерка, Салиндер, Сэротэтто, Сядэй, Тоголя и Худи. Основная часть их — выходцы с Ямальской тундры и Нижней Оби. По рассказам информаторов, некоторые из переселенцев имели отношение к вооруженным выступлениям ненцев против советской власти в 1930–40-е гг., поэтому, опасаясь преследования, часть их взяла местные ненецкие фамилии.

В преданиях противниками горных ненцев обычно выступали ханты, а также ненцы и другие народы с правобережья Оби. Отношения же с ямальскими, большеземельскими сородичами и с коми-зырянами, напротив, сохранились в народной памяти как дружественные. Несколько родов *нэ тер* настолько тесно сблизилась с коми, что иногда воспринимаются уже в качестве зырянских. При этом их фамилии претерпели существенные изменения: Валей стали именоваться Валеевыми, Лэхэ — Лагей, Хэтэси — Хатанзеевыми.

Точную численность горных ненцев Приуральского района без проведения специальных исследований указать сложно. Предварительно ее можно оценивать в 1500–2000 человек (сюда включена основная часть ненецкого населения Байдарацкого сельского совета и поселка Аксарка).¹⁰

«Каменные самоеды» и *нэ тер*

Можно с большой долей уверенности говорить об исторической преемственной связи горных ненцев с так называемой «каменной самоедью», известной, как минимум, с XV в. Определение «каменный» в данном случае указывает на связь с Уральским хребтом, который

⁸ Здесь и далее используются полевые материалы, собранные автором в Приуральском ЯНАО в 2000 и 2016 гг.

⁹ См.: Квашнин Ю. Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 23–66.

¹⁰ Рассчитано по: Волжанина Е. А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI в. Новосибирск, 2010. С. 118–123.

в русских документах вплоть до XVIII в. назывался Камнем. О полном отождествлении двух общностей, безусловно, речь не идет. Достаточно сказать, что значение этнонима «каменная самоедь» изначально было более широким, на протяжении истории существенно изменялось, а временами трактовалось довольно противоречиво.

Вероятно, первое упоминание о «каменной самоеди» встречается в сказании «О человецех незнаемых», передававшем впечатления русских военных и купцов о встречах с коренным населением Сибири: «В восточной же стране есть иная самоедь, зовома каменная. Облежит около Югорския земли, а живут по горам высоким. А ездят на оленех».¹¹ В. Ф. Зуев, проехавший по Обскому Северу в 1770-е гг., писал о двух группах местных самоедов — закаменных и низовых. Территорию кочевий первых он очерчивал так: по левую сторону Обской губы, начиная от вершины реки Сось, далее через Камень до Карского залива, откуда по берегу Северного моря до устья Обской губы.¹² Особого внимания здесь заслуживает совпадение южного предела территории «каменных самоедов» (река Сось) с современной границей расселения *нэ тер*. Анализ документов XIX в. позволил В. И. Васильеву выделить в составе сибирских тундровых ненцев три группы — обдорские (каменные и низовые), приуральские (куноватские и ляпинские) и енисейские.¹³ Как видим, ненцы Приполярного Урала рассматривались автором отдельно от «каменных самоедов». С этой информацией согласуются и сведения В. Ф. Зуева.

В начале XX в. А. А. Дунин-Горкавич описывает территорию кочевий «каменных самоедов», уже близкую современному ареалу расселения *нэ тер* в Приуральском районе. По его данным, она простиралась от реки Сось на север по Уральскому хребту до Карского моря, а на востоке доходила до Обской губы.¹⁴ Краевед Г. М. Дмитриев-Садовников собрал в 1916 г. среди надымских ненцев сведения о существующих группах их народа. Кроме себя, надымцы выделяли еще самоедов «каменных» (*нэн-касхо*), низовых (*тасинь-няг*), лесных (*пян-ха-*

зово) и ямальских (*ямалэн-чэр*).¹⁵ Акцентируем здесь внимание на разделении «каменных» и ямальских ненцев, а также на ненецком названии первых, которое, вероятно, подверглось искажению и в первоначальной версии было записано как *нэн-хазово* («горный ненец»).

В то же время в инструкции к Приполярной переписи 1926 г. в Уральской области, где «каменные», низовые и лесные самоеды из-за языковых отличий рассматривались в качестве отдельных племен,¹⁶ предлагалось иное понимание состава «каменных самоедов». Этнограф Б. О. Долгих, проанализировав фамильно-родовой состав сибирских ненцев по материалам этой переписи, пришел к выводу, что район расселения «каменных самоедов» включал полуостров Ямал, Северный Урал и устье Оби. Переходной зоной между «каменными» и низовыми самоедами он считал южное побережье Обской губы. Любопытно, что основной группой «каменных самоедов» названы жители полуострова Ямал.¹⁷

Подводя итог, можно сказать, что сближение значения термина «каменные самоеды» с современной группой *нэ тер* произошло к началу XX в. Сама же история их существования, а также языковая близость свидетельствуют о тесных контактах, которые длительное время связывали горных ненцев с жителями полуострова Ямал. Тем не менее, в культурном отношении эти группы постепенно удалялись друг от друга, накапливая все больше своеобразных черт и отличий, в частности, по причине сокращения прямых контактов между ними в XX в., когда амплитуда кочевий оленеводов начала уменьшаться.

Особенности оленеводства и передвижения по местности

Локализация группы *нэ тер* в предгорьях Урала и привязка ее к восточной части хребта не случайны: они были обусловлены в первую очередь нуждами оленеводства. На это указывает и текст сказания «О человецех незнаемых» (во всех его версиях указано, что «каменная самоедь» ездит на оленях), и ресурсная характеристика данного природного комплекса (он отвечает всем запросам оленеводческого хозяйства). Особенно же благоприятны для содержания оленей восточные склоны Урала

¹¹ Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993. С. 81, 82.

¹² См.: Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.; Л., 1947. С. 22.

¹³ См.: Васильев В. И. Ненцы // Народы Сибири и Севера России в XIX в. М., 1994. С. 40.

¹⁴ См.: Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 106.

¹⁵ См.: Дмитриев-Садовников Г. Река Надым // Ежегодник Тобол. губерн. музея. 1918. Вып. 29. С. 25.

¹⁶ См.: Волжанина Е. А. Указ. соч. С. 67.

¹⁷ См.: Долгих Б. О. Указ. соч. С. 89–95.

(отметим богатство кормовой базы и ее доступность даже в экстремальных условиях, комфортный температурно-ветровой режим, наличие хороших мест для отела). Добавим, что на восточном склоне Уральских гор практически не случалось такого опасного бедствия для оленеводов, как гололед, который является обычным явлением для западной части хребта, а снежный покров здесь в среднем в два раза меньше, пастбища же — несопоставимо богаче растительностью.¹⁸ В настоящее время регион остается одним из стабильных центров традиционного оленеводства. В немалой степени это также обусловлено рядом «местных удобств» для кочевой жизни и труда оленеводов: относительной близостью к благам цивилизации, обилием дров, отсутствием грибов, в поисках которых в других регионах олени разбредаются на значительной территории. Наиболее крупные частные стада у ненцев Полярного Урала достигают 400–500 голов.

В случае зимнего гололеда и бескормицы горные ненцы знают, что их олени всегда могут найти ягель на продуваемых каменистых возвышенностях. Полярный Урал, таким образом, становится в кризисные периоды спасительным местом. Этот лейтмотив нашел и символическое выражение: на Полярном Урале сосредоточен ряд важных святилищ, приуроченных к горным вершинам (Пэдарата Саурэй, Хада пэ, Хэхэ пэ и др.), где боги, по поверью, особенно чутки к молитвам людей о благополучии оленьих стад. К этим святыням приходят и ненцы из удаленных районов. Здесь можно услышать истории о бедных оленеводах, быстро увеличивших поголовье оленей после посещения святилища.

Особенности ландшафта и климата во многом предопределили специфику местного хозяйственного календаря. Так, благодаря тому что на хорошо прогреваемых горных склонах снег тает быстрее, чем в открытой тундре, отел оленей в предгорьях Урала начинается существенно раньше. Местный оленевод, знакомый со спецификой хозяйства ненцев-соседей, объясняет это так: «Здесь наклон солнца другой. У нас почему телята раньше рождаются? Потому что важенка, которая первую проталину увидела, талую воду выпила, у нее уже молози-

во появляется. Поэтому 7 апреля у нас телята уже бывают».

В 1970-е гг. сезонные кочевья горных ненцев выглядели следующим образом. Зимой основная масса населения проводила в лесной зоне, ближе к пойме Оби, при этом многие переходили на правый берег. К весне началось постепенное движение в западном направлении, и отел проходил уже в предгорьях Полярного Урала. В течение лета оленеводы продвигались севернее вдоль Уральского хребта, при этом к массовому вылету комаров большинство перемещалось на его западные склоны, где местность лучше продувалась северным ветром. Некоторые хозяйства при благоприятных погодных условиях задерживались на крупных озерах в верховьях реки Щучей. Основная часть кочевников старалась достичь морского побережья, где олени получали доступ к необходимой им соли. В конце лета начинался обратный путь. Иначе выглядел маршрут самой северной группы горных ненцев, зимовавших в районе Яроно: они в течение года передвигались вдоль линии Байдарацкой губы. В настоящее время маршруты оленеводов значительно сократились: далеко не все достигают прежних крайних точек маршрута — правого берега Оби и морского побережья.

Существенной особенностью местного выпаса является сезонное быстрое движение по узким горным тропам, когда одним маршрутом идет следуя друг за другом большое количество оленеводов. По мнению горных ненцев, этот интенсивный режим перемещения выработал у них особый жизненный тонус, способность к быстрому принятию оптимальных решений в условиях ограниченного времени («Нам некогда долгим ремонтом заниматься: все по одной варге¹⁹ ходим, в очередь»). Для прохождения оленьих аргишей по каменистой местности поколения кочевников постепенно обустроили самые удобные и безопасные маршруты: острые и крупные камни люди либо убрали с дороги, либо перевернули плоской стороной вверх, тропы за долгие годы сгладились под копытами упряжных оленей и полозьями груженых нарт.

Еще один показательный пример типичного для *пэ тер* быстрого ритма жизни приведен в рассказе Г. А. Лаптандера, которому в годы

¹⁸ См.: Лискевич Н. А., Шубничина Е. И. К вопросу о маршрутах кочевания оленеводов Уральского Севера в XIX — первой половине XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4. С. 108.

¹⁹ Коми-зырянское слово варга ('тропа') имеет широкое распространение среди горных ненцев.

работы ветеринаром довелось побывать среди разных групп ненцев: «У тазовских жизнь размеренная: стоят на одном месте долго, долго дела делают, ездят даже медленно. Мне просто так сидеть скучно стало, попросился на дежурство. Погнал оленей по-нашему, по-приуральски, они говорят: “Ты наших быков убьешь”». Рассказ был дополнен комментарием о сравнительно большей силе и выносливости приуральских оленей, привычных к горному ландшафту. Сами горные оленеводы тоже много передвигаются пешком по пересеченной местности во время выпаса и поиска оленей. Как отмечали ненцы (самому автору неоднократно приходилось убеждаться в этом лично), они гораздо легче и быстрее ходят по каменистым участкам, преодолевая подъемы и спуски, чем по ровной и мягкой почве, покрытой мхом.

Содержание оленей в горах обусловило и специфику в обучении пастушеских собак: местные лайки не преследуют оленей при спуске с горы, так как при этом последние нередко получают травмы. В сравнении с другими территориями проживания ненцев, на Урале предпочитали собак более сдержанного темперамента. Только здесь термин *самта* («энергичная, сильная лайка») неожиданно приобретает оттенки отрицательного значения («*Самта* — это сильно который гоняет, непослушный, ему только кричишь»).

Особенности характера *пэ тер*

В продолжение начатой выше темы можно привести несколько любопытных суждений горных ненцев об их отличительных психологических чертах. Одно из наиболее полных по содержанию высказываний следующее: «Наших горных ненцев на праздниках всегда видно по гордой позе. Они ногу одну отставляют, подбоченясь стоят и пояс перебирают рукой. А ямальские — съезжившись стоят, привыкли, что у них всегда холодно. И ханты такие же. А горных издалека видно. Они еще гордые, резкие, чуть что — сразу в драку. Поэтому среди горных ненцев много сидевших». В данной фразе показательна подача информации в форме противопоставления, сравнения неких черт, присущих *пэ тер* и отсутствующих, по мнению собеседника, у их соседей. Независимо от степени объективности сравнений, они предстают ярким проявлением групповой самоидентификации.

Приписываемый представителям своей группы решительный нрав и энергичность

горные ненцы рассматривают и с критических позиций: они полагают, что оборотной стороной этих качеств оказываются вспыльчивость и склонность решать конфликты с помощью силы. Подтверждение этому они легко находят в историческом прошлом. На Полярном Урале имеется урочище, связанное названием с легендарным ненецким героем Ваули Ненягом, совершавшим некогда грабежи и нападения на богатых оленеводов Обдорского Севера. По мнению горных ненцев, лучших соратников в свое время он сумел найти среди них («Ваули, он же почему сюда приезжал? Потому что и тазовские ненцы воинственные были, и горные ненцы воинственные были. А этих не разбудишь — надымских да ямальских»). Свидетельством лихого характера представителей *пэ тер* в прошлом является и своеобразный жанр местного фольклора — так называемые ненецкие воровские песни. В них описываются приемы и приспособления, использовавшиеся для угона чужих оленей: не производящие лишнего шума тальниковые кольца для нартенных потягов, арканы с петлями на обоих концах, специальные узлы для ловкого подвизывания оленей и др. Выступление против советской власти в 1930-е гг., первая *мандалада*, также не обошлось без участия уральских ненцев.²⁰ Они же укрывали у себя бежавших от расправы сородичей с Ямала и Нижней Оби.

Материальная культура

Л. В. Хомич в 1950-е гг. записала на Ямале песню «*Сидя пэ тер*». В ее сюжете образно противопоставлялись ненцы горные (*пэ тер*) и низинные (*тасинянги*), в частности указывалось на различия предметов, связанных с оленеводством. Низинный ненец (по версии Л. В. Хомич, тазовский) в песне искренне удивлялся большим размерам нарт и хорей жителей гор, подчеркивая: «Как им такими не быть — ведь это нарты и хорей с гор». Сама исследовательница не была склонна видеть в этом какую-то реальную подоплеку, указав на отсутствие сведений о сколько-нибудь значимых отличиях в материальной культуре приуральских и тазовских ненцев.²¹

Однако нарты горных ненцев действительно имеют существенные характерные особенности. По счастливой случайности, у нас есть

²⁰ См.: Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 176–179.

²¹ См.: Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. С. 28.

отдельные сведения, которые можно сопоставить с материалами этнографии тазовских и ямальских ненцев. Начнем с того, что эксплуатация нарт в условиях каменистой и неровной местности обусловила выбор прочной лиственницы в качестве материала для изготовления всех основных элементов конструкции, в то время как в Тазовской тундре на производство деталей нарт, кроме лиственницы, нередко идет также ель и береза. Нарты горных ненцев имеют отличительные черты в конструкции, форме и размерах составных частей. Показателен рассказ Г. А. Лаптандера, который многие годы выполнял функции проводника вертолетчиков при сборе детей тундровиков в школу-интернат. На северной границе Приуральского района, где стойбища ямальских и горных ненцев значительно перемешаны, проводник безошибочно определял стойбища своих без посадки вертолета, обращая внимание на внешний облик нарт: «У наших сразу видно сверху, что головки короткие и все ножки толстые — они почти не амортизируют». Указанные конструктивные особенности направлены на повышение прочности корпуса при передвижении по сложному рельефу местности и частых ударах о камни. Однако наиболее заметной и знаковой деталью горных нарт является подположник — *нярма*. Это приспособление, которое делается также из лиственницы, защищает от поломок и износа такую сложную в изготовлении деталь, как полозья. При активных поездках в горах подположник изнашивался в течение нескольких дней и оленеводу приходилось изготавливать их за сезон до 70–100 штук. Не случайно слово *нярма* приобрело в языке горных ненцев образное значение — ‘*тот, кто первым страдает*’. Про человека, который готов, не щадя себя, помогать знакомым, могли шутливо сказать: «*Эх, друг ты мой, нярма*». За пределами горной территории данный конструктивный элемент нарт не используется, а в более отдаленной от Урала местности — практически не известен. Уже упоминавшийся Г. А. Лаптандер, работавший некоторое время ветеринаром в Тазовской тундре, рассказал нам о том, как делился опытом с местными ненцами: «Они целиком полозья готовили сменные, их долго делать, гнуть надо. Говорю: “Я вас сейчас научу, как надо быстрее”. Вытесал *нярму*, коловоротом дырочки проделал, здесь привязал, там — на деревянные гвозди забил. Бригадир говорит: “Вот, а мы бы так еще три дня потеряли. Самим надо тоже такие делать теперь”».

Одним из отличительных предметов своей материальной культуры горные ненцы считают *посортома* — приспособление, предохраняющее шесты чума от поломки под напором сильного ветра. Возможно, название является производным от слова *посарць* (‘долго и сильно дуть’).²² *Посортома* представляет собой прочную изогнутую палку длиной около 1,5 м. Вот как об ее использовании говорят сами ненцы: «Как лук такой. В других местах ветры слабые, а у нас тут чум как пробка вылетает, если со стороны ветра шесты ломаются. Его ставят с подветренной стороны и к нему подпорку делают, чтобы шесты не ломались».

Знаковым элементом костюма *нэ тер* стали кисы с небольшими «копытами» на подошве (*тоба пива*”), которые служат своего рода шипами, не дающими ноге скользить по наклонной поверхности и на камнях. Эта деталь позволяет горным жителям безошибочно опознавать своих среди прочих тундровых ненцев.

Региональной особенностью является и использование охры в качестве красителя бытовых предметов. Охру до сих пор иногда добывают в предгорьях Полярного Урала. Она не только окрашивает предметы в характерный рыжеватый цвет, но и придает им водоотталкивающие свойства. Охрой, в частности, покрывались кожаные и костяные детали упряжи, жильные веревки для подвязывания нарт, некоторые предметы детской одежды.

Традиции обращения с камнем

Характерной чертой *нэ тер* стало почитание горных объектов и широкое использование камней в ритуальных целях. Сочетание этих религиозных традиций демонстрирует описанный Л. В. Хомич культовый предмет из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Как пишет исследовательница, кроваво-красный камень, обернутый в миниатюрную женскую одежду, являлся шаманским духом-помощником — Хозяйкой гор и камней. Дух-помощник имел большое значение для группы *нэ тер*, кочевавшей возле Урала: шаман обращался к нему перед кочевьем в сторону гор, прося убедить людей, их чум и оленей от снежной лавины.²³ Приведем еще один пример: на целом ряде священных мест Приуральской тундры, находящихся на некотором отдалении от гор,

²² См.: Терещенко Н. М. Указ. соч. С. 408.

²³ См.: Хомич Л. В. Коллекции МАЭ по этнографии ненцев // Сб. МАЭ. Л., 1980. Т. 35. С. 52, 53.

имеются камни, принесенные ненцами с особо почитаемых святилищ.

От уральских оленеводов нередко приходилось слышать о необходимости проявлять уважение при «контакте» с камнями. Убираемый с дороги крупный камень ни в коем случае нельзя «обидеть» признанием, что он стал досадной помехой. Обращение к нему может быть сформулировано, например, так: «Ты не мешаешь мне, просто в этом месте тебе будет лучше лежать». Перемещение камня надо совершать с необходимой осторожностью, поскольку ненцы считают так: «Кинул, сломал — у тебя что-то сломается, например олень ногу сломает». Отмечено поверье, что поднятый перед отправлением в дорогу камень, какой бы ни была причина, по которой вы задержали его в руке, следует взять с собой. Загадав желание, можно было проверить, станет ли камень в будущем вашим помощником: если все получилось, как задумано, камень продолжали возить с собой, в противном случае его нужно было где-то положить на землю.

Пространственное ориентирование

В ходе трехлетнего изучения системы пространственного ориентирования тундровых ненцев на разных территориях²⁴ на Полярном Урале впервые был отмечен уникальный комплекс оригинальных приемов и знаний в данной области. Вопреки ожиданиям, подобная картина не фиксировалась, например, у ненцев, кочующих близ морского побережья, или при сопоставлении опыта тундровых и лесотундровых жителей.

К локальным особенностям можно отнести, в частности, ориентирование по уклону местности. Хорошее знание рельефа позволяет горным ненцам эффективно пользоваться этим приемом в условиях ограниченной видимости, причем он применяется как отдельно, так и в сочетании с широко известными у тундровиков способами — по ветру и рисунку снежных барханов. Еще одна специфическая черта — ориентирование по очертанию гор (*нэ саур*), что предполагает хранение в памяти большого количества образов горного профиля, наблюдаемого с разных ракурсов. Таким образом можно, например, определить местонахождение, разглядев сквозь пелену пурги контур знакомых возвышенностей. Наглядный случай представ-

лен в рассказе одного из местных ненцев: «Ехали с водителем, я уснул. Он меня будит: “Куда ехать?” — “С колеи что ли сбился? Давно?” — “Да два часа уже”. Я выглянул, сориентировался по очертанию гор — в районе Скального оказались, между Скальным и их факторией».

Именно у ненецких оленеводов Урала зафиксировано широко распространенное умение ориентироваться по Полярной звезде, и только здесь встречается ее ненецкое название *Нгэрм нумгы* («Северная звезда»). Как показали исследования 2014–2016 гг., ненцы, проживающие на других территориях ЯНАО, обычно ошибочно называют по-русски Полярной звездой Венеру — один из своих важнейших путевых ориентиров.²⁵ Заметим, что при поездке на оленьей упряжке по открытому пространству тундровики, как правило, выдерживают нужное направление движения, поочередно «прицеливаясь» на любые звезды, находящиеся на удобной высоте — на уровне головы передового оленя. Возможно, именно особые условия предгорьев Урала, где расположенные низко над горизонтом звезды не всегда видны, как раз и позволили прочно закрепить в традиции использование Полярной звезды, расположенной высоко над головой, для определения сторон света.

Оригинальной местной чертой является применение в качестве дорожных меток каменных пирамидок — *нэ хэкур*. Для их возведения чаще всего использовались плоские камни, которые ненцы укладывали один на другой. В некоторых случаях, особенно вдалеке от гор, где сложнее найти материал подходящей формы, пирамидка возводилась из нескольких вертикально прислоненных друг к другу крупных камней. *Нэ хэкур* обычно устанавливали в местах, где зимой трудно разглядеть проложенную оленеводческую тропу.

Представленные специфические культурные черты горных ненцев, на наш взгляд, дают веские основания рассматривать эту общность в качестве самостоятельной этнолокальной группы. Очевидно, что решающую роль в формировании комплекса культурных особенностей коллектива сыграла среда обитания. Итоги исследования во многом созвучны идеям географического детерминизма, так как они

²⁴ См.: Адаев В. Н. Ненецкие приемы ориентирования в пути: использование помощи оленя и собаки // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1. С. 133–141.

²⁵ См.: Адаев В. Н. Ориентирование по астрономическим объектам в традиционной культуре ненцев // Человек и Север. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 211.

демонстрируют, что суровые природно-климатические и ландшафтные условия способны весьма четко очерчивать рамки для существования культуры, диктовать ей узкую специализацию. Добавим, что Уральский массив явился для ненцев уникальным местом, где ими был накоплен опыт успешного освоения сложного горного ландшафта. В результате мы имеем дело с достаточно ярко выраженным культурным своеобразием этнолокального ненецкого коллектива (этого не могут обеспечить такие факторы, как специфическая система местных межэтнических контактов, сложившийся уклад жизни в границах определенной административно-территориальной единицы, не столь своеобразные локальные природно-географические условия и т. п.).

Показательно, что консолидация общности произошла несмотря на транзитное положение региона. Наглядным подтверждением является то, что довольно разнородный по свое-

му происхождению коллектив стал носителем самостоятельного говора; у него имеется свое наименование, определенный родовой состав; его представители осознают свою культурную обособленность от других ненецких групп, в том числе от исторически близких им ямальских ненцев.

В целом тема, безусловно, требует более детального и целенаправленного исследования. Прежде всего в уточнении нуждается ряд вопросов, связанных с характеристиками локальной идентичности *пэ тер* и с историей формирования группы.

Автор выражает глубокую признательность Гавриле Алексеевичу Лаптандеру за неоценимую помощь, оказанную им в качестве проводника и знатока традиционной культуры ненцев во время трех этнографических экспедиций в Приуральский район ЯНАО, а также за ценные советы и консультации при написании данной статьи.

Vladimir N. Adaev

Candidate of Historical Sciences, Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch of the RAS, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Tyumen, Ekaterinburg)

E-mail: whitebird4@yandex.ru

THE MOUNTAIN NENETS OF THE POLAR URALS: FEATURES OF TRADITIONAL CULTURE AND LANDSCAPE USE BY A LOCAL ETHNIC GROUP

The paper presents the distinctive cultural features of the Ural Mountain Nenets, allowing, in the author's opinion, to consider them as a separate local ethnic group of the Tundra Nenets. The community is called *Peh Ter* (mountain people). With very little described in scientific literature, these findings would be of interest not only in theoretical terms (on the differentiation of local ethnic groups), but also in terms of generalization and systematization of the collected ethnographic data. The Mountain Nenets relate their origin to the *Kamennaya Samoyad* known at least since the second half of the 15th century. The unifying feature of the *Peh Ter* is that they belong to the reindeer herders who seasonally graze their flocks in the northern part of the Ural Mountains. The Mountain Nenets have their own dialect of the Nenets language, a formed list of family names, a number of distinctive features when it comes to use of nature, material culture and religious traditions. Representatives of this group also believe that they have some particular features to their temper due to a specific intense rhythm of life in the mountain region. It is the environment that has had a crucial importance for the formation of the complexity of the cultural distinctive features of the community. The results of the study are largely in tune with the ideas of geographical determinism, as they demonstrate that the severe natural, climatic conditions and landscape can very clearly determine the framework within which a culture may operate, and dictate its narrow specialization. The Ural came to be a unique place for the Nenets, where they have realized the successful terms of development within the mountain landscape.

Keywords: *Northern natives, identity, sub-ethnic group, boundaries, reindeer husbandry*

REFERENCES

Adaev V. N. [The Nenets navigation techniques: using the help of reindeer and a dogs]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2016, no. 1, pp. 133–141. (in Russ.).

- Adaev V. N. [Orientation on astronomical objects in the traditional culture of the Nenets]. *Chelovek i Sever* [Man and the North]. Tyumen: IPOS SO RAN Publ., 2015, iss. 3, pp. 210–213. (in Russ.).
- Dolgikh B. O. *Ocherki po etnicheskoy istorii nentsev i entsev* [Essays on ethnic history of the Nenets and Enets]. Moscow: Nauka Publ., 1970, 270 p. (in Russ.).
- Dunin-Gorkavich A. A. *Tobolskiy Sever* [Tobol'sk North]. Moscow: Libereya Publ., 1995, vol. 1, 376 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Govoryashchie kultury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking cultures: Samoyed and Ugrian traditions]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995, 608 p. (in Russ.).
- Homich L. V. [Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography on ethnography of the Nenets]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. 1980, vol. 35, pp. 49–56. (in Russ.).
- Homich L. V. *Nentsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Nenets. Historical and ethnographic essays]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966, 330 p. (in Russ.).
- Homich L. V. *Nentsy. Ocherki traditsionnoy kultury* [The Nenets. Essays on traditional culture]. Saint Petersburg: Russkiy dvor Publ., 1995, 336 p. (in Russ.).
- Kvashnin Yu. N. [Tribal Names in Nenets Toponymy]. *Antropologicheskiiy forum. Online* [Anthropological forum. Online], 2011, no. 14, pp. 23–66. (in Russ.).
- Liskevich N. A., Shubnitsina E. I. [Nomads of Big Urals: on nomadism routes with deer breeders of Polar and Circumpolar Urals in 19 — first half of 20 century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2012, no. 4, pp. 84–93. (in Russ.).
- Loginov K. K. [Vodlozero area Russians as an ethnocultural group]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2007, iss. 4, pp. 256–261. (in Russ.).
- Pliguzov A. I. *Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh* [Text-centaur of Siberian Samoyeds]. Moscow: Nyutonvil Publ., 1993, 160 p. (in Russ.).
- Prokofeva E. D. [Nenets]. *Narody Sibiri* [The Peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1956, pp. 608–647. (in Russ.).
- Vasilev V. I. [Nenets]. *Narody Sibiri i Severa Rossii v XIX v.* [The peoples of Siberia and the North of Russia in the 19 century]. Moscow: Nauka Publ., 1994, pp. 29–62. (in Russ.).
- Vasilev V. I. *Problemy formirovaniya severosamodiyskikh narodnostey* [Problems of formation of northern Samoyed nationalities]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 244 p. (in Russ.).
- Volzhanina E. A. *Etnodemograficheskie protsessy v srede nentsev Yamala v XX — nachale XXI v.* [Ethno-demographic processes in the environment of the Yamal Nenets in the 20 — early 21 century]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2010, 312 p. (in Russ.).
- Zuev V. F. *Materialy po etnografii Sibiri XVIII v.* [Materials on the ethnography of Siberia of the 18 century]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1947, 96 p. (in Russ.).